

УДК 821.161.1

**РАССКАЗ «ДРЕВНИЙ ПУТЬ» В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ А.Н. ТОЛСТОГО**

© 2010 г.

Т.П. Комышкова

Нижегородский государственный педагогический университет

tat-com@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.03.2010

Рассматривается особая концепция истории, благодаря которой современность и история получают оценку в масштабе жизни природы и космоса, что позволяет А.Н. Толстому сосредоточить внимание на проблемах онтологического характера, поставить вопрос о смысле человеческого существования.

Ключевые слова: художественная концепция истории, символическая и мифологическая образность.

Рассказ «Древний путь» (1927) написан А.Н. Толстым сразу после возвращения из эмиграции. Рассказ находится в ряду произведений, созданных в это время: «Союз пяти», «Гиперболоид инженера Гарина», «Голубые города», «Гадюка» – и рассматривающих ситуации «пограничные», позволяющие дать оценку современности и истории в масштабе жизни природы и космоса. «Древний путь» А.Н. Толстой считал одним из наиболее значительных произведений, написанных им в середине 1920-х годов. Рассказ позволяет многое прояснить в системе философских взглядов А.Н. Толстого на природу и историю.

Название рассказа глубоко символично; смысловые пласты символа **древний путь** раскрываются на разных уровнях текста. Сюжетную канву составляет история возвращающегося на родину смертельно больного французского офицера Поля Торена. Можно предположить, что возвращается он из России, хотя смертельное ранение получил на фронтах Первой мировой войны. Пароход, везущий Поля, совершает рейс из Черного моря в Эгейское, затем через Средиземное в Марсель, повторяя путь, освоенный людьми с древних времен. Мысль эта вводится авторским комментарием: *Путь, которым шел пароход, был древней дорогой человечества из дубовых аттических роц в темные гиперборейские страны* (Толстой А.Н. Древний путь, 4: 137)¹.

Путь от жизни к смерти, который проходит герой рассказа, осмысливается тоже как **древний** и совпадает в его представлении с тем путем, который проходит человечество от истоков к трагической катастрофе мировой войны. Мысли о собственной смерти и размышления о

гибели человечества настойчиво звучат в сознании Поля: *Казалось, – это казалось Полю, – он завершает сейчас круговорот тысячелетий. Его ум, растревоженный лихорадкой и ощущением своей близкой смерти, силился охватить всю борьбу, расцвет и гибель множества народов, прошедших по этому пути* (4: 137).

Сложная повествовательная структура рассказа позволяет сопоставить разные точки зрения на судьбы европейской цивилизации. Рассказ организован сознанием персонажа, вводимым через несобственно-прямую речь, внутренние монологи, сны, в которых слышатся голоса незримых оппонентов Поля: его невесты Люси, пленного красноармейца, воображаемого древнего пращура; с ними Поля вступает в диалог, под влиянием которого изменяется его отношение к миру. Так, Люси, в противоположность Полю, единственной неумирающей ценностью жизни считает любовь. Пращур в сознании Поля ассоциируется с радостью и полнотой жизни, утраченной его дальними потомками. Пленный русский солдат настойчиво твердит о необходимости глобальных перемен. Сознание героя корректируется авторской точкой зрения, в чем-то близкой герою, но имеющей важные отличия. Главное из них – автор изначально знает итог, к которому герой должен прийти.

В размышлениях Поля о последних днях европейской цивилизации слышатся отзвуки теории О. Шпенглера [1]. События на пароходе, колоритные портреты спутников Пьера, его воспоминания как будто подтверждают трагические мысли о закате Европы. Люди, окружающие Пьера, заняты борьбой за еду и удовлетворение низменных страстей, их суету автор обозначает как пошлость, что для Толстого яв-

лялось одним из главных пороков современной ему жизни. Достаточно вспомнить, что даже претендующего на мировое господство Гарина («Гиперолоид инженера Гарина»), фигуру страшную, несущую огромную разрушительную идею ницшеанского сверхчеловека, автор неоднократно называет пошляком. Те же персонажи, которые не участвуют в вакханалии жизни, предстают в образах, соотносимых с печалью и упадком жизненной силы. *Франция – сплошное, великое кладбище, где погребено целое поколение молодости. Разбитых сердец, несбывшихся ожиданий... Мы, живые, – плакательницы, монахини, провожающие мертвых* (4:140). *Белокурый ребенок висел на перилах <...>; его поддерживала мать в пуховом грязном платочке на плечах, в стоптанных башимаках. На ее исплаканном лице застыл ужас пожаров России* (4: 141). Сам Поль разочарован в идеалах гуманизма, которыми некогда горел, не может принять любви Люси, даже забота сиделки вызывает у него раздражение.

Однако в противовес шпенглеровской теории закономерности конца европейской цивилизации Толстой вводит мысль о трагической ошибке, допущенной человечеством: *Где-то ошибка, где-то допущен неверный ход в шахматной партии, – думал Поль Торен, – история свернула к пропасти. Какой прекрасный мир погибает* (4: 138); *Но если это счастье растоптано солдатскими сапогами, разорвано снарядами, залито нарывным газом, то что же остается? Зачем были Эллада, Рим, Ренессанс, весь железный грохот девятнадцатого века? Или удел всему – холм из черепков, поросший колючей травкой пустыни? Нет, нет, где-нибудь должна быть правда* (4: 139). Поиск правды, истины, открывающейся на пороге смерти, составляет еще один смысловой пласт символа **древний путь**.

В чем же суть древнего пути, пройденного героем? Толстой отмечает несколько этапов духовного пути героя. Первые мысли о смерти окрашены эгоцентрическим неприятием ее и страхом. Сознание Поля разворачивает перед читателем антропоцентристскую концепцию человека и Вселенной. Если умирает человек, то гибнет и весь мир. *Через несколько дней, быть может, погаснет его мозг, вместе с ним погибнет то, что он нес в себе, – погибнет мир. Какое ему дело – будет мир существовать, когда не будет Поля Торена? Мир погибнет в его сознании – это все* (4: 137). Символично, что эти размышления приходят герою ночью, он ощущает себя одиноким в темноте, окутавшей все окружающее.

Солнечный день приносит новое, сложное ощущение жизни; от неприятия суеты герой приходит к пониманию многогранности ее проявлений и вечности законов природы: *Как мала, быстролетна жизнь! Как сложны, многокровны ее законы! <... > Он старался сызнова восстановить ткань недавних мыслей о гибели цивилизации <...>, о том, что, уходя, он уносит с собой мир, существующий постольку, поскольку его мыслит и одухотворяет он, Поль Торен... Но ткань порвалась, лохмотья исчезли, как туман. А в памяти перекликались веселые голоса зуавов, стучали их варварские голоса* (4: 149).

Последние часы жизни Поля приносят ему чувство радости и единения с миром; буря, разразившаяся на море, подчеркивает глубину духовных изменений героя. Он с восторгом встречает бурю: *Какой великолепный конец пути! Глаза Поля блеснули трагическим юмором* (4: 156) – и, благословляя всех, с восторгом принимает уход: *Поль стиснул холодеющими пальцами поручни кресла. Восторженно билось сердце... Продлись. Продлись, дивное виденье* (4: 156).

Смерть героя можно трактовать как символ ухода старой цивилизации, освобождающей дорогу новым варварам. Однако толстовское отношение к идеям заката Европы выглядит более сложным и выражается не столько в комментариях, сколько в структуре рассказа.

Вечность духовного поиска, в котором находится автор и его герой, **древнего пути**, подчеркнута особой организацией пространства и времени рассказа. Символично место, где разворачивается действие, – корабль, мифологический символ перехода к инобытию (в первой редакции рассказ носил название «На ржавом пароходе», подчеркивающее соединение старости, древности и современности). Пароход «Карковадо» напоминает еще и Ноев ковчег: на нем собрались люди разных национальностей, сословий, судеб. Здесь русские эмигранты: интеллигенты, спекулянты, хозяйка борделя, – французский офицер, агент ЧК, отказавшиеся воевать в России солдаты-зуавы. Духовный путь, пройденный героем, оказывается созвучным жизни природы: мрачные мысли отступают подобно тому, как мрак ночи исчезает под напором солнечного дня, коренной перелом в мировосприятии обусловлен грозой, штормом – символом очищения. Мир, возникающий после грозы и открывающийся Полю в последние минуты жизни, как будто иной, сотворенный заново: *И в закате стали твориться чудеса. Как будто неведомая планета приблизилась к пом-*

рачевшей земле, и на той планете в зеленых теплых водах лежали острова, заливы, скалистые побережья такого радостного алого сияющего цвета, какого не бывает, – разве приснится только (4: 157).

Герой и автор существуют внутри мифологического времени, цикличность которого подчеркнута пространственными деталями. Мифы и исторические предания древней Эллады о пастухах-пелазгах, гибели Трои органически вплетаются в изображение повседневности, существуют как непосредственная жизненная реальность: *Путь, которым шел пароход, был древней дорогой человечества из дубовых аттических роц в темные гиперборейские страны. Его называли Геллеспонтом в память несчастной Геллы, упавшей в море с золотого барана, на котором вместе с братом бежала от гнева мачехи на восток* (4: 136). *И стало понятно, что именно в такое утро в Эгейском зеркальном море под пляску дельфинов из белой пены поднялась, раскрывая голубые светлые глаза, краса жизни – Афродита* (4: 141). *Вдали, справа, проплыл Олимп снеговой шапкой с лиловыми прожилками. Зевс был милостив сегодня – ни одно облачко не затянуло сверкающей вершины* (4: 146). *Ночью огибали Пелопоннес – суровую, каменистую Спарту. Над темным зеркалом моря сияли крупные созвездия, как в сказке об Одиссее* (4: 149). Герой ощущает себя потомком пастухов-пелазгов, мысленно беседует со своим пращуром о судьбах цивилизации. Даже обычное пиршество зуавов предстает как жертвоприношение быка Зевсу.

Цикличность времени указывает на особенности авторского мировосприятия. Основу мировидения А.Н. Толстого составляют восходящие к народной мифологии идеи о всеединстве человека и природы. Представление о гармоничном существовании человека связывается писателем с картинами единения земли и неба, солнца и воды, человек ощущает свое существование во Вселенной. Толстому присущ космизм мироощущения, проявлявшийся на протяжении всего творчества в пространственных образах. Приведем несколько примеров. Чувство полноты жизни приходит к Никите при взгляде в бездонное небо («Детство Никиты» – 1920): *«Бездонное небо переливалось, словно по звездной пыли шел ветерок. Разостлался светящимся туманом Млечный путь. На возу, как в колыбели, Никита плыл под звездами, покойно глядел на далекие миры»* (3: 246). Между небом и землей оказывается пароход, увозящий эмигрантов к жизни вне Родины («Необыкновенное приключение Никиты Рощина» – 1921): *«Эти*

звезды, и Млечный путь, и Большая Медведица были наверху и внизу, в черной бездне. Огромный пароход, полный спящих, бездомных людей, казалось, летел в звездном пространстве. <...> Река эта потихоньку покрылась туманом, поднималась к нему и разлилась среди звезд в Млечный Путь» (3: 274). Схожие образы возникают и в рассказе «Древний путь»: *Глаза поминутно застилало слезами. Какое величие миров! Как мала, быстролетна жизнь! Как сложны, многокровны ее законы! Как он жалел свое сердце – больной комочек, отбивающий секунды в этой блистающей звездами вселенной* (4: 149).

Внимание Толстого к трагическим событиям, современником которых он был, понимание истории как процесса циклического приводят к выработке особой исторической концепции, которую можно назвать философией истории. Многое в ней созвучно мыслям О. Шпенглера о противостоянии европейского, фаустианского и магического мировосприятий. Свойственное европейцам сознание, абсолютизирующее абстрактное знание и линейное понимание мира как истории, находится в оппозиции с магическим пониманием мира, издревле в разных вариантах присущим другим народам, в частности, русскому. Основу магического мировосприятия составляют представления о незыблемости природного начала, его первичности в определении судеб людей, народов, всего человечества. Диссонансы жизни людей, исторические потрясения оказываются вписанными в картины мироздания. История катастрофична, несет много бед человечеству, но она лишь часть жизни. В рассказе «Древний путь» мифологическая концепция жизни разработана на материале древнегреческих мифов, тем самым как бы снимается вопрос о противостоянии России и Запада, Востока и Запада, что стало одной из острейших социально-философских проблем времени. История разъединяет людей, жизнь природы уравнивает людей разных национальностей, сословий и политических убеждений.

Как уже отмечалось, огромную смысловую нагрузку несут в рассказе природные образы: солнце, море, морской шторм. В рассказе появляется характерный для Толстого 1920-х годов образ, соединяющий природное и историческое начала, – ветер истории: *...это ураган истории обрушился на нас* (4: 156). Переломные моменты истории часто соотносятся писателем с мотивом ветра: сквозняка, прогоняющего затхлость и сон, как это звучит в «Дне Петра» (1918), или вихря, гонящего людей по жизни помимо их воли, будь то «Иби-

кус, или Похождения Невзорова» (1924), ветер, ураган, буря – сквозные образы второй части трилогии «Хождение по мукам», романа «Восемнадцатый год» (1927). Это знаки утраты человеком самостоятельности в выборе судьбы, личной воли перед лицом гибели старого мира. В рассказе «Древний путь» картина солнечного заката после бури, трактуемая как рождение новой планеты после мировой катастрофы, символизирует заключительную фазу идеи Возрождения, владевшей Толстым в послереволюционные годы.

А.Н. Толстой не был философом (или историком), в художественной манере излагавшим свои мысли. Он был прежде всего художником. А.М. Крюкова отмечает, что Толстой был просто «органическим художником, и поэтому его концепция действительности, представления об ее сущности и развитии, хотя и вмещали в себя <...> философию, историю и политику, но осуществлялись в сфере, только ему присущей, т.е. в сфере художественного творчества жизни» [1: 210]. В силу этого свойства таланта писателя о философии

жизни у Толстого следует говорить не в строго научном понимании этого термина, но рассматривая художественное выстраивание философских воззрений писателя. Как убеждают современного читателя тексты произведений А.Н. Толстого, на протяжении всей жизни ему был свойствен напряженный духовный поиск, не в последнюю очередь обусловленный критическим осмыслением ведущих философских идей времени.

Примечание

1. Цитаты из произведений А.Н. Толстого приводятся по изданию: Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1958. В круглых скобках указываются том и страница.

Список литературы

1. Крюкова А. А.Н. Толстой и русская литература. Творческая индивидуальность в литературном процессе. М., 1990.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1998.

THE STORY «THE ANCIENT WAY» IN THE CONTEXT OF A.N. TOLSTOY'S HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL VIEWS

T.P. Komysheva

The author considers the specific concept of history that makes it possible to assess the modernity and the history on the scale of life of the nature and the universe. Thus, A.N. Tolstoy can focus his attention on the problems of ontology and to pose the question about the meaning of human existence.

Keywords: artistic concept of history, symbolic and mythological imagery.

